

*Я дружибой был,
как выстрелом
разбунсея...*

ДРУЗЬЯ АПОЭТА

А. Мандельштам

1891 – 1938

2012

БОРИС СИНАНИ

(1889/1890 – 1911)

...Когда я пришел в класс совершенно готовым и законченным марксистом, меня ожидал очень серьезный противник. Прислушавшись к самоуверенным моим речам, подошел ко мне мальчик, опоясанный тонким ремешком, почти рыжеволосый и весь какой-то узкий, узкий в плечах, с узким мужественным и нежным лицом, кистями рук и маленькой ступней. Выше губы, как огненная метка, у него был красный лишай. Костюм его мало походил на англосаксонский теннисовский стиль, а словно взяли старые-старые брючки и рубашонку, крепко-крепко с мылом постирали их в холодной речке, высушили на солнце и, не поутюжив, дали надеть. Посмотрев на него, всякий сказал бы: какая легкая кость! Но, взглянув на лоб, скромно-высокий, подивился бы чуть раскосым, с зеленоватой усмешкой глазам и задержался бы на выраженьи маленького, горько-самолюбивого рта. Движенья его, когда нужно, были крупны и размашисты, как у мальчика, играющего в бабки, в скульптуре Федора Толстого, но он избегал резких движений, сохраняя меткость и легкость для игры; походка его, удивительно легкая, была босой походкой. Ему подошла бы овчарка у ног и длинная жердь: на щеках и на подбородке золотистый звериный пушок. Не то русский мальчик, играющий в свайку, не то итальянский Иоанн Креститель с чуть заметной горбинкой на тонком носу.

Он вызвался быть моим учителем, и я не покидал его, куда он был жив, и ходил вслед за ним, восхищенный ясностью его ума, бодростью и присутствием духа. Он умер накануне прихода исторических дней, к которым он себя готовил, к которым готовила его природа, как раз тогда, когда овчарка готова была улечься у его ног и тонкая жердь Предтечи должна была смениться жезлом пастуха. Звали его Борис Синани. Произношу это имя с нежностью и уваженьем.

(О. Мандельштам. Шум времени)

3(15) января 1891 г. В Варшаве в семье торговца кожами Эмилия (Хацкеля) Вениаминовича Мандельштама и Флоры Осиповны Вербловской родился первенец – Иосиф (Осип).

Январь/January

ТИПОГРАФИЯ
ПЕТРОВСКИЙ ПАРК
PRINTING-HOUSE «PETROVSKY PARK» • 1999

понедельник monday	2	9	16	23/30
вторник tuesday	3	10	17	24/31
среда wednesday	4	11	18	25
четверг thursday	5	12	19	26
пятница friday	6	13	20	27
суббота saturday	7	14	21	28
воскресенье sunday	1	8	15	22 29
неделя week	52	1	2	3 4

ВЛАДИМИР ГИППИУС

(1876 – 1941)

...Рывкнувший извозчика был В.В. Гиппиус, учитель словесности, преподававший детям вместо литературы гораздо более интересную науку — литературную злость. Чего он топорщился перед детьми? Детям ли нужен шип самолюбия, змеиный свист литературного анекдота?

Я и тогда знал, что около литературы бывают свидетели, как бы домочадцы ее: ну хотя бы разные пушкинианцы и проч. Потом узнал некоторых. До чего они пресны в сравнении с В.В.!

От прочих свидетелей литературы, ее понятых, он отличался именно этим злобным удивленьем. У него было звериное отношение к литературе как к единственному источнику животного тепла. Он грелся о литературу, терся о нее шерстью, рыжей щетиной волос и небритых щек. Он был Ромулом, ненавидящим свою волчицу, и, ненавидя, учил других ее любить.

<...>

Неужели литература — медведь, сосущий свою лапу, — тяжелый сон после службы на кабинетной тахте?

Я приходил к нему разбудить зверя литературы. Послушать, как он рычит, посмотреть, как он ворочается: приходил на дом к учителю «русского языка». Вся соль заключалась именно в хождении «на дом», и сейчас мне трудно отделаться от ощущения, что тогда я бывал на дому у самой литературы. Никогда после литература не была уже домом, квартирой, семьей, где рядом спят рыжие мальчики в сетчатых кроватках.

<...> Как хорошо, что вместо лампадного жреческого огня я успел полюбить рыжий огонек литературной (В.В.Г.) злости!

Власть оценок В.В. длится надо мной и посейчас. Большое, с ним совершенное, путешествие по патриархату русской литературы от «Новикова с Радищевым» до Коневца раннего символизма так и осталось единственным. Потом только *почитывал*.

(О. Мандельштам. Шум времени)

Февраль/February

ТИПОГРАФИЯ
12 ПЕТРОВСКИЙ ПАРК
PRINTING-HOUSE «PETROVSKY PARK» • 1999

понедельник monday	6	13	20	27	
вторник tuesday	7	14	21	28	
среда wednesday	1	8	15	22	29
четверг thursday	2	9	16	23	
пятница friday	3	10	17	24	
суббота saturday	4	11	18	25	
воскресенье sunday	5	12	19	26	
неделя week	5	6	7	8	9

НИКОЛАЙ ГУМИЛЁВ

(1886 – 1921)

ПЕТЕРБУРГСКИЕ СТРОФЫ

Н. Гумилёву

Над желтизной правительственных зданий
Кружилась долго мутная метель,
И правовед опять садится в сани,
Широким жестом запахнув шинель.

Зимуют пароходы. На припеке
Зажглось каюты толстое стекло.
Чудовищна — как броненосец в доке —
Россия отдыхает тяжело.

А над Невой — посольства полумира,
Адмиралтейство, солнце, тишина!
И государства крепкая порфира,
Как власяница грубая, бедна.

Тяжка обуза северного сноба —
Онегина старинная тоска;
На площади Сената — вал сугроба,
Дымок костра и холодок штыка.

Черпали воду ялики, и чайки
Морские посещали склад пеньки,
Где, продавая сбитень или сайки,
Лишь оперные бродят мужики.

Летит в туман моторов вереница;
Самолубивый, скромный пешеход —
Чудак Евгений — бедности стыдится,
Бензин вдыхает и судьбу клянет!

Январь 1913

Март/March

ТИПОГРАФИЯ
ПЕТРОВСКИЙ ПАРК
PRINTING-HOUSE «PETROVSKY PARK» • 1999

понедельник monday	5	12	19	26	
вторник tuesday	6	13	20	27	
среда wednesday	7	14	21	28	
четверг thursday	1	8	15	22	29
пятница friday	2	9	16	23	30
суббота saturday	3	10	17	24	31
воскресенье sunday	4	11	18	25	
неделя week	9	10	11	12	13

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

(1894 – 1958)

ЦАРСКОЕ СЕЛО

Георгию Иванову

Поедем в Царское Село!
Там улыбаются мещанки,
Когда гусары после пьянки
Садятся в крепкое седло...
Поедем в Царское Село!

Казармы, парки и дворцы,
А на деревьях — клочья ваты,
И грянут «Здравия» раскаты
На крик: «Здорово, молодцы!»
Казармы, парки и дворцы...

Одноэтажные дома,
Где однодумы-генералы
Свой коротают век усталый,
Читая «Ниву» и Дюма...
Особняки — а не дома!

Свист паровоза... Едет князь.
В стеклянном павильоне свита!..
И, саблю волоча сердито,
Выходит офицер, кичась, —
Не сомневаюсь — это князь...

И возвращается домой —
Конечно, в царство этикета,
Внушая тайный страх, карета
С мощами фрейлины седой —
Что возвращается домой...

1912

Апрель/April

ТИПОГРАФИЯ
ПЕТРОВСКИЙ ПАРК
PRINTING-HOUSE «PETROVSKY PARK» • 1999

понедельник monday	2	9	16	23/30
вторник tuesday	3	10	17	24
среда wednesday	4	11	18	25
четверг thursday	5	12	19	26
пятница friday	6	13	20	27
суббота saturday	7	14	21	28
воскресенье sunday	1	8	15	22 29
неделя week	13	14	15	16 17

БЕНЕДИКТ ЛИВШИЦ

(1894 – 1938)

О.Мандельштам, К.Чуковский, Б.Лившиц, Ю.Анненков

...Точно так же знакомство с Мандельштамом, с которым мы почти одновременно дебютировали в «Аполлоне», быстро переросло границы, полагаемые простым литературным соседством, и, приняв все черты товарищества по оружию, не утратило этого характера даже в ту полосу, когда мы очутились в двух разных лагерях. Между прочим, не кто иной, как Мандельштам, посвятил меня в тайны петербургского «savoir vivre'a», начиная с секрета кредитования в «собачьем» буфете и кончая польской прачечной, где за тройную цену можно было получить через час отлично выстиранную и туго накрахмаленную сорочку — удобство поистине неоценимое при скудости нашего гардероба».

<...>

Наголо обритый, в жакете поверх косоворотки, заправив брюки в сапоги, я мчался куда-то по Невскому, когда меня окликнули Чуковский и Анненков, приехавшие из Куоккалы попрощаться со мною. Спустя минуту к нам присоединился Мандельштам: он тоже не мог усидеть в своих Мустамяках.

Зашли в ближайшую фотографию, снялись. У меня сохранился снимок, на обороте которого Мандельштам, когда я уже был в окопах, набросал первую редакцию стихотворения, начинающегося строкою: *Как мягкотелый краб или звезда морская.*

Сидим на скамейке вчетвером, взявшись под руку. У троих лица как лица, подобающе сосредоточенные: люди ведь со знавали, что прислушиваются к шагам истории. Но у меня! Трудно даже сказать, что выражало в ту минуту мое лицо. Я отчетливо помню свое тогдашнее душевное состояние. Всем своим внешним видом, от эмалированной кружки до знака за отличную стрельбу, мне хотелось подчеркнуть насмешку над собственной судьбой, надломившейся так неожиданно и застигшей меня врасплох, поиздеваться над молодечеством, которое уже вменялось мне в обязанность. Деланно-идиотская гримаса, перекосившая мои черты, была не чем иным, как последней вспышкой рассудка в непосильной для него борьбе. Через день я вышел бы на фотографии героем.

(Б. Лившиц. Полтораглазый стрелец)

Май/May

ТИПОГРАФИЯ
ПЕТРОВСКИЙ ПАРК
PRINTING-HOUSE «PETROVSKY PARK» • 1999

понедельник monday		7	14	21	28
вторник tuesday	1	8	15	22	29
среда wednesday	2	9	16	23	30
четверг thursday	3	10	17	24	31
пятница friday	4	11	18	25	
суббота saturday	5	12	19	26	
воскресенье sunday	6	13	20	27	
неделя week	18	19	20	21	22

АННА АХМАТОВА

(1889 – 1966)

Г.Чулков, М.Петровых, А.Ахматова, О.Мандельштам

Когда на площадях и в тишине келейной
Мы сходим медленно с ума,
Холодного и чистого рейнвейна
Предложит нам жестокая зима.

В серебряном ведре нам предлагает стужа
Валгаллы белое вино,
И светлый образ северного мужа
Напоминает нам оно.

Но северные скальды грубы,
Не знают радостей игры,
И северным дружинам любви
Янтарь, пожары и пиры.

Им только снится воздух юга —
Чужого неба волшебство, —
И все-таки упрямая подруга
Откажется попробовать его.

1917

Июнь/June

ТИПОГРАФИЯ
ПЕТРОВСКИЙ ПАРК
PRINTING-HOUSE «PETROVSKY PARK» • 1999

понедельник monday	4	11	18	25	
вторник tuesday	5	12	19	26	
среда wednesday	6	13	20	27	
четверг thursday	7	14	21	28	
пятница friday	1	8	15	22	29
суббота saturday	2	9	16	23	30
воскресенье sunday	3	10	17	24	
неделя week	22	23	24	25	26

СЕРГЕЙ КАБЛУКОВ

(1881 – 1919)

Среда, 18 августа 1910 г.

В полученном мною сегодня № 9 журнала «Аполлон» напечатаны 5 стихотворений молодого поэта-лирика Иосифа Эмильевича Мандельштама <...>

Человек он несомненно даровитый и глубокий, но мало образованный и довольно безалаберный, легкомысленный по отношению к необходимым заботам «суетного мира». В Хангё я ежедневно и подолгу беседовал с ним о поэзии и эта его беззаботность вызывала во мне резкое осуждение, которое я не скрывал от него. Тем не менее я полюбил его за чуткость и тонкость переживаний и вполне соглашаюсь с некоторыми его суждениями...

Четверг, 25 декабря 1914 г.

<...> 22-го декабря И.Э. Мандельштам уехал в Варшаву, где по протекции Кузьмина-Караваева надеется попасть в санитары. Всякий его знающий поймет, сколь нелепа и глупа эта затея. 19-го он приехал ко мне внезапно, чтобы объявить о своем решении и проститься. Я начал с того, что нещадно изругал его «последними словами», ибо истерику иначе не одолеешь. Однако его «истерика» оказалась упрямой. Надеяться, что его не пустили в Варшаву, не приходится, но можно думать, что он, как несомненно умный человек, на месте увидит, что не ему быть санитаром, и скоро вернется к своим обычным занятиям, и вернется, Бог даст, здоровым и целым. <...>

Понедельник, 26 января 1915 г.

Сегодня прочел в «Речи», что И.Э. Мандельштам читал вчера на благотворительном «вечере писателей» в Городской Думе свои стихи «Айя-София» и «Реймский собор». Позволив телефоном ему на квартиру, узнал, что он действительно дома, и вызвал его. Сейчас же спросил, когда именно он вернулся из своей нелепой поездки в Варшаву в 20-х числах последнего месяца прошлого года. Оказалось, что он уже около 20 дней пребывает дома, пробыв в «санитарах» не более 2-х недель и без всякой чести возвратившись «восвояси», и скрывает свое возвращение и неудачу. <...> Таким образом, все мои предсказания сбылись, даже раньше, чем я ожидал. Что же! Он дал себе хороший урок. Подождем его рассказов; они всегда бывают умны и интересны.

(Из дневника С.П. Каблукова)

Июль/July

ТИПОГРАФИЯ
ПЕТРОВСКИЙ ПАРК
PRINTING-HOUSE «PETROVSKY PARK» • 1999

понедельник monday	2	9	16	23/30	
вторник tuesday	3	10	17	24/31	
среда wednesday	4	11	18	25	
четверг thursday	5	12	19	26	
пятница friday	6	13	20	27	
суббота saturday	7	14	21	28	
воскресенье sunday	1	8	15	22	29
неделя week	26	27	28	29	30

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

(1891 – 1967)

Вверху: Н.Ходотов,
А.Мандельштам, И.Эренбург.
Внизу: П.Яшвили, Я.Соммер,
Л.Эренбург

...Мандельштам очаровательно легкомыслен, так что не он отстывает от мысли, но мысль бежит от него. А ведь «Камень» грешит многодумностью, давит грузом, я бы сказал, германского ума. Мандельштам суетлив, он не может говорить о чем-либо более трех минут, он сидит на кончике стула, всё время готовый убежать куда-то, как паровоз под парами. Но стихи его незыблемы, в них та красота, которой, по словам Бодлера, претит малейшее движение.

Вы помните: «Пока не требует поэта...»? Мандельштам бродит по свету, ходит по редакциям, изучает кафе и рестораны. Если верить Пушкину, его душа «вкушает хладный сон». Потом — это бывает очень редко, а посему и торжественно — разрешается новым стихотворением. Взволнованный, как будто сам удивленный совершившимся, он читает его всем и всякому.

⟨...⟩Щуплый, маленький, с закинутой назад головкой, на которой волосы встают хохолком, он важно запекает баском свои торжественные оды...

⟨...⟩

Мандельштам слишком будничен, чтобы позволить себе роскошь говорить в поэзии обыкновенным языком. Он с нами живет понятный и доступный, но, как беременная женщина, смотрит не на мир, а в себя. Там, в поэтовой утробе, месяцами зреет благолепное и напыщенное слово, которое отделит его от прочих смертных и позволит с ним снова быть до конца. Этот инстинкт самосохранения породил самое изумительное, противоречивое, прекрасное зрелище. Поэты встретили русскую революцию буйными вскриками, кликушескими слезами, плачем, восторженным беснованием, проклятьями. Но Мандельштам — бедный Мандельштам, который никогда не пьет сырой воды и, проходя мимо участка-комиссариата, переходит на другую сторону, — один понял пафос событий. Мужички голосили, а маленький хлопотун петербургских и других кофеен, постигнув масштаб происходящего, величие истории творимой, после Баха и готики прославил безумье современности:

*Ну что ж! попробуем огромный, неуклюжий,
Скрипучий поворот руля!*

1920

(И. Эренбург. Портреты русских поэтов)

Август/August

ТИПОГРАФИЯ
ПЕТРОВСКИЙ ПАРК
PRINTING-HOUSE «PETROVSKY PARK» • 1999

понедельник monday	6	13	20	27	
вторник tuesday	7	14	21	28	
среда wednesday	1	8	15	22	29
четверг thursday	2	9	16	23	30
пятница friday	3	10	17	24	31
суббота saturday	4	11	18	25	
воскресенье sunday	5	12	19	26	
неделя week	31	32	33	34	35

ВЛАДИМИР ЯХОНТОВ

(1899 – 1945)

...Работает Яхонтов почти как фокусник: театр одного актера, человек-театр.

Всех аксессуаров у него так немного, что их можно увезти на извозчике: вешалка, какие-то два зонтика, старый клетчатый плед, замысловатые портновские ножницы, цилиндр, одинаково при-

годный для Онегина и для еврейского факельщика.

Но есть еще один предмет, с которым Яхонтов ни за что не расстанется, — это пространство, необходимое актеру, пространство, которое он носит с собой, словно увязанным в носовой платок портного Петровича, или вынимает его, как фокусник яйцо из цилиндра.

⟨...⟩

В работе Яхонтова и Владимирского есть нечто обязательное для всего русского театра. Это возвращение к слову, воскрешение его самобытной силы и гибкости. Нужна была революция, чтобы раскрепостить слово в театре. И всё же ее оказалось мало... Яхонтов — один из актеров будущего, и работа его должна быть показана широким массам.

1927

(О. Мандельштам. Яхонтов)

Июль 31 г. Москва.

Снова Мандельштамы. Снова я потрясен этой мудростью его стихов (он читал мне новые), их зрелостью с явной печатью гениальности. Тут у него появляется горькое веселие, ирония (нет, нечто несравненно более глубокое), как будто он пытается вздохнуть глубоко и наполнить легкие пылью и испарениями обильно политых тротуаров.

На этот раз протест мой был много слабее, чем до отъезда, когда он загрызенным волком готов был разрыдаться и действительно ведь разрыдался, падая на диван, тут же только прочел нам (кажется, впервые и первым) — «Мне на плечи бросается век-волкодав, но не волк я по крови своей...»

(Из дневника В.Н. Яхонтова)

Мандельштам хорошо его знал и любил, вернее, они взаимно любили друг друга.

Владимир Николаевич считал Осипа Эмильевича своим учителем. Мне это было непонятно. Манера чтения была у них совершенно разная. Осип Эмильевич читал стихи превосходно. У него был очень красивый тембр голоса. Читал он энергично, без тени слащавости или подвывания, подчеркивая ритмическую сторону стихотворения. И все-таки Яхонтов читал по-другому, оставляя огромное впечатление.

(Н.Е. Штемпель. Мандельштам в Воронеже)

Сентябрь/September

ТИПОГРАФИЯ
ПЕТРОВСКИЙ ПАРК
PRINTING-HOUSE «PETROVSKY PARK» • 1999

понедельник monday	3	10	17	24	
вторник tuesday	4	11	18	25	
среда wednesday	5	12	19	26	
четверг thursday	6	13	20	27	
пятница friday	7	14	21	28	
суббота saturday	1	8	15	22	29
воскресенье sunday	2	9	16	23	30
неделя week	35	36	37	38	39

ИЗА ХАНЦЫН

(1899 – 1985)

АЛЕКСАНДР МОРГУЛИС

(1898 – 1938)

МОРГУЛЕТЫ

Моргулис — он из Наркомпроса,
Он не турист и не естественник,
К истокам Тигра и Эфроса
Он знаменитый путешественник.

* * *

Старик Моргулис зачастую
Ест яйца всмятку и вкрутую.
Его враги нахально врут,
Что сам Моргулис тоже крут.

* * *

У старика Моргулиса глаза
Преследуют мое воображенье,
И с ужасом я в них читаю: «За
Коммунистическое просвещение!»

* * *

Старик Моргулис под сурдинку
Уговорил мою жену
Вступить на торную тропинку
В газету гнусную одну.

Такую причинить обиду
За небольшие барыши!
Так отслужу ж я панихиду
За ЗКП его души!

Начало 1930-х гг.

Октябрь/October

ТИПОГРАФИЯ
ПЕТРОВСКИЙ ПАРК
PRINTING-HOUSE «PETROVSKY PARK» • 1999

понедельник monday	1	8	15	22	29
вторник tuesday	2	9	16	23	30
среда wednesday	3	10	17	24	31
четверг thursday	4	11	18	25	
пятница friday	5	12	19	26	
суббота saturday	6	13	20	27	
воскресенье sunday	7	14	21	28	
неделя week	40	41	42	43	44

БОРИС КУЗИН

(1903 – 1973)

К НЕМЕЦКОЙ РЕЧИ

Б.С. Кузину

Freund! Versäume nicht zu leben:
Denn die Jahre fliehn,
Und es wird der Saft der Reben
Uns nicht lange glühn!

Еw. Chr. Kleist

Себя губя, себе противореча,
Как моль летит на огонек полночный,
Мне хочется уйти из нашей речи
За всё, чем я обязан ей бессрочно.

Есть между нами похвала без лести
И дружба есть в упор, без фарисейства,
Поучимся ж серьезности и чести
На Западе у чуждого семейства.

Поэзия, тебе полезны грозы!
Я вспоминаю немца-офицера:
И за эфес его цеплялись розы,
И на губах его была Церера.

Еще во Франкфурте отцы зевали,
Еще о Гёте не было известий,
Слагались гимны, кони гарцевали
И, словно буквы, прыгали на месте.

Скажите мне, друзья, в какой Валгалле
Мы вместе с вами щелкали орехи,
Какой свободой вы располагали,
Какие вы поставили мне вехи?

И прямо со страницы альманаха,
От новизны его первостатейной,
Сбегали в гроб, ступеньками, без страха,
Как в погребок за кружкой мозельвейна.

Чужая речь мне будет оболочкой,
И много прежде, чем я смел родиться,
Я буквой был, был виноградной строчкой,
Я книгой был, которая вам снится.

Когда я спал без облика и склада,
Я дружбой был, как выстрелом, разбужен.
Бог Нахтигаль, дай мне судьбу Пилада
Иль вырви мне язык: он мне не нужен.

Бог Нахтигаль! Меня еще вербуют
Для новых чум, для семилетних боен.
Звук сузился. Слова шипят, бунтуют,
Но ты живешь, и я с тобой спокоен.
8–12 августа 1932

Каково же бывает, когда человек, враждующий с постылым меловым молоком полуреальности, объявляется врагом действительности как таковой?

Так случилось с моим другом — Борисом Сергеевичем Кузиным — московским зоологом и ревнителем биологии. Личностью его пропитана и моя новенькая проза, и весь последний период моей работы. Ему и только ему я обязан тем, что внес в литературу период так «как» называемого «зрелого Мандельштама».

(Письмо О. Мандельштама М. Шагинян. 5 апреля 1933 года)

Б.С. ни в коем случае не был книжным червем. Наукой он занимался на ходу, имел какое-то прикосновение к саламандрам знаменитого венского самоубийцы, профессора Каммерера, — но пуще всего на свете любил музыку Баха, особенно одну инвенцию, исполняемую на духовых инструментах и взвивавшуюся кверху, как готический фейерверк...

(О. Мандельштам. Путешествие в Армению)

Ноябрь/November

ТИПОГРАФИЯ
ПЕТРОВСКИЙ ПАРК
PRINTING-HOUSE «PETROVSKY PARK» • 1999

понедельник monday	5	12	19	26	
вторник tuesday	6	13	20	27	
среда wednesday	7	14	21	28	
четверг thursday	1	8	15	22	29
пятница friday	2	9	16	23	30
суббота saturday	3	10	17	24	
воскресенье sunday	4	11	18	25	
неделя week	44	45	46	47	48

НАТАЛЬЯ ШТЕМПЕЛЬ

(1908 – 1988)

М.Ярцева, Н.Штемпель, Н.Мандельштам, О.Мандельштам

1

К пустой земле невольно припадая,
Неравномерной сладкою походкой
Она идет, чуть-чуть опережая
Подругу быструю и юношу-погодка.
Ее влечет стесненная свобода
Одушевляющего недостатка,
И, может статься, ясная догадка
В ее походке хочет задержаться —
О том, что эта вешняя погода —
Для нас — праmaterь гробового свода —
И это будет вечно начинаться.

2

Есть женщины, сырой земле родные,
И каждый шаг их — гулкое рыданье,
Сопровождать воскресших и впервые
Приветствовать умерших — их призванье.
И ласки требовать у них преступно,
И расставаться с ними непосильно.
Сегодня — ангел, завтра — червь могильный,
А послезавтра — только очертанье...
Что было поступь — станет недоступно...
Цветы бессмертны. Небо целокупно.
И всё, что будет, — только обещанье.

4 мая 1937

27 декабря 1938 г., в 12 ч. 30 мин. в больничке пересыльного лагеря под Владивостоком умер Осип Эмильевич Мандельштам.

Декабрь/December

ТИПОГРАФИЯ
ПЕТРОВСКИЙ ПАРК
PRINTING-HOUSE «PETROVSKY PARK» • 1999

понедельник monday	3	10	17	24/31	
вторник tuesday	4	11	18	25	
среда wednesday	5	12	19	26	
четверг thursday	6	13	20	27	
пятница friday	7	14	21	28	
суббота saturday	1	8	15	22	29
воскресенье sunday	2	9	16	23	30
неделя week	48	49	50	51	52

*И как нашел я друга в поколеньи,
Читателя найду в потомстве я...*

Евгений Боратынский

Проблема «друзей в поколеньи» — одна из главных, стоящих перед каждым человеком, а перед поэтом в особенности. Заметим, что друг поэта — наверняка и его читатель, причем не абстрактный незнакомец из будущего, а именно тот, к кому поэт обращается при жизни и как бы по имени.

Судьба Мандельштама не скупилась на друзей. Они обретались почти везде и сопровождали его почти всю жизнь — от тенишевского ученичества и до воронежско-савёловского изгояства.

Но что, вернее, кого понимать под друзьями поэта? Есть ли тут внятные критерии?

Так, любимые мандельштамовские поэты — Дант, Петрарка, Пушкин, Батюшков — для него, даже в переносном смысле, не друзья, а братья (уж если они и чьи-то друзья, то своего родимого языка — «бессмысленного» и «солено-сладкого» итальянского или «виноградно-мясного» русского).

Быть может, любимые женщины, те «европейки нежные»? — Нет, нет, увольте! Кто угодно — но только не друзья. Дружба односторонней не бывает, и Мандельштам не мог бы сказать про себя то же, что сказал про Гёте, чья «дружба с женщинами, при всей глубине и страстности чувства, была твердыми мостами, по которым он переходил из одного периода жизни в другой» («Молодость Гёте»).

Анна Ахматова — единственная из них, кто сумела вырваться из этой квадратуры мандельштамовской влюбленности и стать его полноправным другом, причем едва ли не самым близким. А вот Наташа Штемпель — никогда не была внутри этой квадратуры: и мандельштамовская любовь к ней — любовь к душевной, а не к телесной красоте — с самого начала прочно покоилась именно на их дружбе: недаром Мандельштам повторял, что она «владеет искусством дружбы».

Вот кто был стопроцентный друг Мандельштама — это его жена, его «щелкунчик», его «дружок», его «товарищ большеротый» и его «нищенка-подруга». Мы так привыкли ценить посмертный подвиг сохранения ею мандельштамовского наследия, что порой забываем и ее прижизненную миссию.

Из семьи самым близким Осипу был брат Шура, но в середине 20-х обнаружился и новый большой друг — отец поэта («деда», как он называл его в письмах, «чудесный и добрый»).

Конечно же, наполнение понятия «дружба» со временем менялось.

Современник и наследник символистов, он поначалу поддался их немного шизофренической манере раздвоения отношений на «дружбу-вражду». Это напрямую отозвалось в самом раннем образчике дружбы — а именно с Владимиром Гиппиусом, словесником в Тенишевском училище и мандельштамовским первоучителем «литературной злости». Это была дружба ученика с учителем, причем ученик, жадно впитывая, стремился и к самостоятельности и независимости. 27 апреля 1908 года, спустя год после окончания училища, Мандельштам писал своему наставнику из Парижа: *«И вы простите мне мою смелость, если я скажу, что вы были мне тем, что некоторые называют: „друго-врагом“... Осознать это чувство стоило мне большого труда и времени...»*.

Та же оппозиция проявилась и в дружбе с Борисом Синани, тоже «старшим» другом и тоже наставником, даром что сверстником. Тот мастерски и вдребезги разбил эскедовские иллюзии, позаимствованные Мандельштамом у «репетиторов русской революции», и заменил их своими, эсеровскими. Для «вражды» или хотя бы ревности места в этом родниковом юношеском союзе практически не оставалось.

Литературные занятия и литературные дебюты Мандельштама — на «Башне» ли у Вячеслава Иванова, в «Аполлоне» или в «Бродячей собаке» — окунули его и в богемную жизнь, и тут его первым товарищем и дружкой стал Георгий Иванов. И не так уж важно, правда ли то, что у них с Мандельштамом была общая визитка на двоих или нет. Важно, что эту веселую и безалаберную жизненную полосу они действительно прошагали нога в ногу.

Счастливая эта веселость, помноженная на перманентные полемики всех со всеми (о, как пригодились здесь «литературная злость»!) и на чисто филологическое остроумие, и создавала ту общую атмосферу «едкой веселости литературной шутки», о которой писала Ахматова и в которой упражнялись все поголовно. Без эпиграмм, пародий, шаржей и прочих шуточных жанров («Антологии античной глупости», например) жизнь Мандельштама в 10-е годы непредставима, как, впрочем, и в 20-е и в 30-е. «Доставалось» всем — Гумилеву, Лившицу, Штемпель. А фамилия Александра Моргулис была позаимствована для основания еще одного прелестно-веселого жанра — «моргулет».

Но с годами отношение Мандельштама к дружбе и к друзьям менялось.

В зрелости ему был глубоко чужд тот постмодернистский подход, что низводил дружбу до средства лоббирования и оказания взаимных «услуг» в сочетании с безответственным собуйльничеством.

Мандельштам же искал собеседников и не чурался ответственности. Как бы ни относился он к «дачевладельцу» Волошину и к «несчастью быть лично с ним знакомым», он хорошо усвоил один его урок: когда 4 августа 1920 года, в самый разгар пустячного, но, тем не менее, острейшего личного конфликта между ними, Мандельштама в Феодосии арестовала врангелевская контрразведка, Волошин, не колеблясь, вступился за него и добился его освобождения.

Отвращение к политике и привычка не вмешиваться в чужие дела не уберегли Мандельштама от право- и друго-защитничества. Он не только написал стихи-пощечину про нечужую под ногами страну — от имени всех, но и лично вступался за своих репрессированных друзей (например, за Кузина) или помогал им отбывать приговор (например, Пясту). Иными словами, «на стену лез» — как выразился Сталин в разговоре с Пастернаком о Мандельштаме и о надлежащем поведении друзей-поэтов. С той же горячностью он хлопотал и за умерших собратьев по перу, в частности, о переиздании Грина: это было еще и данью его вдове, Нине Грин, с которой Мандельштамы дружили. В таких хлопотах он включал все «приводные ремни», которыми располагал или думал, что располагает (Бухарин, Шагинян, Демьян Бедный).

Когда же настал и его «черед», то с таким его поведением тем легче было Пастернаку, Ахматовой, Шкловскому и другим хлопотать за самого Мандельштама.

В дружбе он ценил прежде всего тот твердый сплав доверия, искренности, щедрости и благодарности, что делает невозможными предательство и подлость («не расстреливал несчастных по темницам»), но особенно — ту обоюдную душевную предрасположенность, своего рода сердечное западание, чей импульс и толкает людей друг к другу. Это роднит дружбу с влюбленностью и даже с любовью, но без эротики.

Дружба встряхивала Мандельштама как минимум дважды: впервые — в Тенишевке, когда он «открыл» для себя Бориса Синани. И второй раз — в 1930 году в Армении, где он встретил Бориса Кузина, ставшего его главным собеседником и «вторым я», влиянию которого сам поэт приписывал рождение «зрелого Мандельштама».

Конечно же, число друзей поэта, в отличие от количества месяцев в году, не ограничивается двенадцатью. Составители немало поспорили, прежде чем остановиться именно на этой, а не какой-то другой дюжине, но с не меньшими основаниями в календаре могли бы появиться и Михаил Лозинский, и Михаил Зенкевич, и Борис Пастернак, и Виктор Шкловский, и Корней Чуковский, и Эмма Герштейн.

Павел Нерлер

Мандельштамовские календари. Год 2012.

Друзья поэта. М., 2012.

Совместный проект Мандельштамовского общества и типографии «Петровский парк».

Составители: П. Нерлер и Н. Поболь (тексты)

Послесловие: П. Нерлер

Научный редактор: С. Василенко

Художник: В. Ванюков

**МАНДЕЛЬШТАМОВСКОЕ
ОБЩЕСТВО**

Телефон: +7.495.250 6369 (с автоответчиком)

Факс: +7.495.250 5109

Сайты: www.rvb.ru/mandelstam/m_o/index.html
www.mandelstam-world.org

**ТИПОГРАФИЯ
«ПЕТРОВСКИЙ ПАРК»**
PRINTING-HOUSE «PETROVSKY PARK», 1999

Дизайн, печать типографии «Петровский парк»,
тел. 8/495/ 641 53 33